

Генрих БОРОВИК:

Известия. - 2001. - 27 авг. - с. 9

Оказавшись в Москве, я первым делом пошел искать могилу Ильфа

Генрих Боровик — одна из ярчайших, легендарнейших личностей отечественной литературы, драматургии, публицистики. В его биографическом списке — руководство журналом «Театр», председательство в Советском комитете защиты мира, ведение популярной в свое время телепрограммы «Камера смотрит в мир», депутатство и авторство множества книг. А также школьные годы, проведенные на одном из замечательнейших российских курортов — в солнечном Пятигорске. Об этом Генриха БОРОВИКА спрашивает обозреватель «Известий» Алексей МИТРОФАНОВ.

— Генрих Авиэзерович, могли бы вы сравнить Москву и Пятигорск?

— Конечно, нет. Это очень разные города, и сравнивать их бессмысленно. Пятигорск — прекрасный лечебный курорт, который в последнее время стал еще лучше. А Москва сделалась просто великим городом. И Пятигорск и Москва обладают своей энергией, но эти энергии различны.

— Давайте поставим вопрос по-другому. Каковы ваши первые впечатления от Москвы и соответственно от Пятигорска?

— В Москву я впервые попал в 1939 году, еще девяти-летним мальчишкой. Мы остановились в гостинице «Метрополь», и меня тогда больше всего поразила роскошная гостиничная лестница, спиралью уходящая куда-то вниз. В основном же детские впечатления от столицы были не столько из реальности, сколько

из кинофильма «Цирк». В Пятигорске же мы жили в самом центре, в трехэтажном деревянном домике, в котором задолго до нас останавливался Лев Толстой. Рядышком — знаменитый Цветник, две трамвайные линии, одна идет к Провалу, другая — к театру, назан, которым торговали прямо в нашем домике на первом этаже.

— То есть колорит, воспетый в «Двенадцати стульях»?

— Да. Я впервые прочитал эту книгу, будучи шестиклассником, и совершенно обалдел. Старался прочитать все, что написали Ильф и Петров, по крохам собирал какие-то сведения о них самих. Но главным был конечно же театр. Это естественно — ведь мои родители были в числе основателей Пятигорского театра музыкальной комедии. В то время к нам, в эвакуацию или же просто на гастроли, приезжали Райкин, Утесов, Цфасман, мхатовцы.

Мой отец за кулисами играл в преферанс с Нemiрови-чем-Данчен-ко, и тот вдруг ему заявил: «А знаете, мне доводилось играть в преферанс с Дантесом». — «С каким Дантесом?» — опешил отец. «С тем самым, который Пушкина убил. Я у него спросил — дескать, что ж ты, Дантес, подлюга такая, нашего Пушкина убил? А он мне ответил: Владимир Иванович, поверьте, я тогда не знал, что это за величина. Хотя, наверное, врал».

И все это вместе — Лев Толстой, Лермонтов, Ильф и Петров, Нemiрови-ч-Данченко и Дантес — создавало у меня ощу-

щение причастности к истории, литературе, театру — словом, культуре вообще.

— А после школы вы поехали в Москву поступать в Институт международных отношений. Неужели здесь, в столице, в городе с тысячелетней историей, это ощущение причастности уменьшилось?

— Нет, не уменьшилось. Но и несколько не усилилось. Оказавшись в Москве, я первым делом пошел на Новодевичье кладбище искать могилу Ильфа — и это было продолжением моих пятигорских изысканий. Продолжал ходить в театры — в основном в вахтанговский и МХАТ. Любил сидеть в Ленинке, еще в старом, румянцевском здании, но ведь и в Пятигорске была отличная библиотека, эвакуированная из ростовского Дома офицеров. К тому же здесь оказались многие мои друзья-пятигорчане.

— Что же, выходит, что вы особой разницы и не почувствовали?

— Нет, разница, конечно же была. Но в основном связанная с переменой в моей собственной жизни — я из школьника превратился в студента. А ощущение человека, приехавшего из провинции в столицу, — этого я не испытал.